

РАЗЪЯСНЕНИЕ

Несколько лет назад я издал три тома моих сочинений. С той поры утекло немало всего. И я еще кое-что написал: начало четвертого тома. И решил опубликовать.

Кое-что я уже напечатал, а финал перед вами.

Шлак это или не совсем, мне уже трудно распутать. Для меня важно, что я добрал до финала. Однако финал ли это или все еще не финал!

Это ведь только кажется, что это отдельности. Это время мое. Кинороман о нем, только отличный от обычной структуры этого жанра. Поэтому я и позволил себе включить сюда кое-что [крайне малое], уже ранее напечатанное.

Роман, составленный из обрывков разностей, пестротей, несоединимостей, образовавших мой век.

Впрочем, на мой взгляд, такой и должна быть структура современной киноповести, если она не хочет отстать от огня и пепла текущего века.

ВКЛЮЧАЯ И КРУПСКУЮ

Я видел Ленина всего однажды, когда он в память погибших революционеров открывал мемориальную доску на Кремлевской стене. В своей речи он назвал тогда этот свиток жертв Мартирологом.

Я, гимназист, не знал в те далекие времена смысла этого

Полностью публикуется в журнале «Искусство кино», № 2, 1992.

заграничного слова. Но позже, узнал. И мог бы добавить к той кремлевской доске еще сотни тысяч других имен, если бы сумел втиснуть туда всех ухлопанных и затравленных теми, кто годами потом говорил речи возле той же стены, уже после Ленина...

Писать о Ленине в нашей стране фантастически трудно. Все процеживается сквозь щели, непроверяемо свидетельствующую, привычно лгушью, ювелирно сличающие то, что ты написал, с тем, каким Ленин назначен остаться навеки по табели.

Тут трудятся и старосветские большевики, и юные, еще не опомнившиеся от дипломов редакторши. И те, и другие — самое безжалостное и сердитое для сочинителя.

Они вымарывают любую смятенность вождя, любовь его неуверенность, нетвердость, неверность и уж, конечно, такие немислимые свойства, как вероломство, коварство и ложь. Устремленные всеми фибрами в обеденный перерыв, они тянут автора в пыль, к подошвам, к тому, что стоически исхожено и насквозь известно. Рубят все, чего нет в документах, но по логике понимания образа должно быть. Ведь каждому автору Ленин видится по-иному — только тогда это правда Ленин.

А без этого, без того, что могло бы быть, — не существует искусства, тогда это всего лишь жернова, перемалывающие даже не зерно — пух и перья.

Каким истинно был Ленин? Этого, по моим наблюдениям, не знает никто. Даже Крупская. Во всяком случае никто, с кем я по этому поводу общался. А общался я со многими и различными — ведь написал я о Ленине (плохо, а может, и не совсем) три сценария.

Я думаю, что Ленин, в противовес легализованному суждению, был весьма скрытым человеком. Он был многим и всяким в зависимости от того, с кем говорил. Разномастным и кажущимся.

Впрочем, такой удел почти каждого, кого сохранила История.

Было ли это от долгих десятилетий конспирации? Не знаю. Но он был такой. Столько людей похвалялось дружеской близостью с ним, но не было никого, о ком можно сказать от души, что он был ему сокровенно близок. Вздохом и выдохом спянным с ним.

Предвижу, какая брань обвалится на меня за это безумное утверждение. Однако настаиваю на нем.

Самолюбия. Самовластен. Самоуверен. Много читал, но узковат для своего времени думал. Обожеал спорить, но препирался на узком для того времени просторстве. На уровне среднего поднебесья. Крайне тщеславен.

И если отбросить привычный марксистский туман, то неким партийным, душевным, святочным ведуну, озаренным любовью к несчастным, которыми (к бездонной скорби его) веками кишит земля.

Таким, кому дорога былинка и клейкий весенний листок. Нет, он не был таким.

Он был нетерпим. Беспощадно, яростно, бешено (любимое его слово) нетерпим. И не только к врагам, но и к тем, кто был рядом, но в чем-то не согласился с ним. Пусть в слове, пусть даже в том, как подчеркнута это слово. Пререкания, которыми он бурлил, полны брани и передержек. И передергиваний. Нередко блестящих.

Он был вздорен и недвочив. Любил спорить и вообще находиться в состоянии, которое сам же именует «драчкой». Дышал этой драчкой даже с самыми близкими, в самые темные царские времена. Не чурался напраслин, нацеленных в тех, с кем чертыкался. С кем бурлил в чащобах марксизма. А ненавидел он люто и беспощадно. Яростно и жестоко. Если согласен с ним — друг. На время, пока согласен. Не согласен — враг. И ничего от благогого. И не жди от него пощады. Ни в спорах, ни в пуле.

Самолюбия. Самовластен. Самоуверен. Много читал, но узковат для своего времени думал. Обожеал спорить, но препирался на узком для того времени просторстве. На уровне среднего поднебесья. Крайне тщеславен.

И если отбросить привычный марксистский туман, то неким партийным, душевным, святочным ведуну, озаренным любовью к несчастным, которыми (к бездонной скорби его) веками кишит земля.

Таким, кому дорога былинка и клейкий весенний листок. Нет, он не был таким.

Простовато? Но история во-

обще простоватей того, что ей приписывают историки.

Это правда. Однако правда и в том, что все свои помыслы, надежды, бессонье, веру, любовь он без остатка (а это случается баснословно редко) отдал идее. Его невзгоды при этом, конечно, нынче преувеличены, но все же они были такими, которые тысячи тысяч заставили отступить. Он не отошел ни на шаг. Он дрался впрямую, в душу, в гибель и кровь.

И дрался, не дрогнув.

Хотя, как и все политики всех времен и народов, губил несчетное множество человечества, вызывая к бесценности каждого отдельного человека.

Нет, это был не святочный, а негнувшийся дед. Упрямый дед. Беспощадный, жестокосердный.

Мы с Юткевичем не могли по отмеченным обстоятельствам представить его таким, каким он взаправду был. Все, кроме мудрости, безгрешия и доброты, пресекалось цензурой. Даже плевок поверх урны. А с ним это однажды случилось в Швейцарии. Мы мечтали лишь об одном: смьть с него бронзу, сделать ближе, душевней, ошибочней, оплошней. Колеблющимся. И даже проклинающим себя за ошибки. Трудно сейчас понять всю дерзость такого намерения, если не уяснить, что киноруководство, сражавшееся в те годы с религиозной столь же самозабвенно, сколь рьяно оно привержено ей в наши дни, было непоколебимо. Им нужен был Ленин с нимбом. Священ-

ный Ленин. Бесплотный и сладкогласный. Предвечный и вездесущий. Постоянно праведный. Творец земли, неподкупности и порядка. Ленин, благоговящий все справедливое и самое краткое из всего справедливого. Ленин — Христос, но в жилетке, при галстучике и с партийным билетом. Всевышний, командующий чекистами. Предвечный, предводительствующий расстрелами.

И что же — партия тоже становилась предвечной. Командиром винтовок и истины.

И самое удивительное — большевизм все плотней делался слепком ленинского характера: нетерпимость, непрекаемость, убежденность только в своей правоте.

И вот что еще я бы прибавил к тысячесловию, сказанному о Ленине, если бы писал о нем заново, в наши дни:

Ленин ненавидел тех, кто был не согласен с ним. Они были ему физически омерзительны. И точно такой же стала партия. Ненавидящей. Но притворяющейся любвеобильной.

Этот феномен мало подмечен историками, замечавшими все, вплоть до того, с кем спал император Веспассиан. А ведь Веспассиан, есть слух, был не гнусности, свинства, что вытаскивались до тех лет, когда он встал у кормила. Все ему очевидно: вот это надо сменить, это переменить, это искоренить...

Ленин научил Россию условности добра, зла, честности, подлости, верности и наущничества.

Большевики ее дручили. И все-таки не всемоу.

Многое освоил наш обыватель, множеству его натаскал ленинизм.

А говорить правду по дороге к социализму разучился. А ведь мы будем в социализме первыми. Так во всяком случае предполагалось по расписанию долгие годы.

Первыми!

КТО-НИБУДЬ ДРУГОЙ

Много раз я мечтал написать о человеке, взошедшем на самый верх власти, выше которого невозможно взойти. Он управляет всем. Его слово решает все. Ему аплодируют все. Почему? Кто он?

Вот это и следовало рассмотреть в том, что я предполагал написать. Для книги или экрана.

Тут есть три возможности главного персонажа.

Возможность первая. Герой мой — человек подвижнически преданный перестройке. Даже — так лучше! — первый, провозгласивший ее. И главное, отстаивавший ее, несмотря на немислимые трудности и невероятный отпор. Отпор покорно-презрительный.

Он весь в расчистке той гнусности, свинства, что вытаскивались до тех лет, когда он встал у кормила. Все ему очевидно: вот это надо сменить, это переменить, это искоренить...

На сей раз герой мой — прилежный, послушно работающий, притершийся еще в доперестроечную эпоху, уже тогда достигший приметного кабинета. Ничем особым не примечательный. Не умный, но не чурбан. Из тех, кто долго, в поту, взбирается по ступенькам вверх, разрастаясь из года в год, становясь все мощнее, дорожнее, толстая в словах и приказах. И образует к шести десяткам особь социалистической устроенности —

руководитель. Профессиональный руководитель всего, куда кинут.

Кадровый коммунист. Профессиональный начальник.

Не предприниматель — нет. Подчиненный, однако начальник. С лестью преданный всем, кто сильнее: кто тоже начальник и тоже с лестью, но преданный тем, кто еще крупней. Вот так и складывается порода профессиональных начальников всего, куда кинут: в металлургию, а потом в текстиль, в педагогику, в песни и пляски, а хлопок, нефть, военную мощь. Единообразных в анкетах. Единодушно избравших социализм.

К этому классу профессиональных распорядителей и принадлежит мой герой. Карабкался сюда долго, прошел весь склон: сперва пионервожатый, потом партвожак в вузе, парторг фабрики, директор завода, на год в колхозе, затем снова завод. А там — попался кому-то на глаза — райком: Такова возможность сюжета. Первая.

Но есть и вторая.

На сей раз герой мой — прилежный, послушно работающий, притершийся еще в доперестроечную эпоху, уже тогда достигший приметного кабинета. Ничем особым не примечательный. Не умный, но не чурбан. Из тех, кто долго, в поту, взбирается по ступенькам вверх, разрастаясь из года в год, становясь все мощнее, дорожнее, толстая в словах и приказах. И образует к шести десяткам особь социалистической устроенности —

руководитель. Профессиональный руководитель всего, куда кинут.

Кадровый коммунист. Профессиональный начальник.

Не предприниматель — нет. Подчиненный, однако начальник. С лестью преданный всем, кто сильнее: кто тоже начальник и тоже с лестью, но преданный тем, кто еще крупней. Вот так и складывается порода профессиональных начальников всего, куда кинут: в металлургию, а потом в текстиль, в педагогику, в песни и пляски, а хлопок, нефть, военную мощь. Единообразных в анкетах. Единодушно избравших социализм.

К этому классу профессиональных распорядителей и принадлежит мой герой. Карабкался сюда долго, прошел весь склон: сперва пионервожатый, потом партвожак в вузе, парторг фабрики, директор завода, на год в колхозе, затем снова завод. А там — попался кому-то на глаза — райком: Такова возможность сюжета. Первая.

Но есть и вторая.

На сей раз герой мой — прилежный, послушно работающий, притершийся еще в доперестроечную эпоху, уже тогда достигший приметного кабинета. Ничем особым не примечательный. Не умный, но не чурбан. Из тех, кто долго, в поту, взбирается по ступенькам вверх, разрастаясь из года в год, становясь все мощнее, дорожнее, толстая в словах и приказах. И образует к шести десяткам особь социалистической устроенности —

руководитель. Профессиональный руководитель всего, куда кинут.

Кадровый коммунист. Профессиональный начальник.

Не предприниматель — нет. Подчиненный, однако начальник. С лестью преданный всем, кто сильнее: кто тоже начальник и тоже с лестью, но преданный тем, кто еще крупней. Вот так и складывается порода профессиональных начальников всего, куда кинут: в металлургию, а потом в текстиль, в педагогику, в песни и пляски, а хлопок, нефть, военную мощь. Единообразных в анкетах. Единодушно избравших социализм.

К этому классу профессиональных распорядителей и принадлежит мой герой. Карабкался сюда долго, прошел весь склон: сперва пионервожатый, потом партвожак в вузе, парторг фабрики, директор завода, на год в колхозе, затем снова завод. А там — попался кому-то на глаза — райком: Такова возможность сюжета. Первая.

Но есть и вторая.

На сей раз герой мой — прилежный, послушно работающий, притершийся еще в доперестроечную эпоху, уже тогда достигший приметного кабинета. Ничем особым не примечательный. Не умный, но не чурбан. Из тех, кто долго, в поту, взбирается по ступенькам вверх, разрастаясь из года в год, становясь все мощнее, дорожнее, толстая в словах и приказах. И образует к шести десяткам особь социалистической устроенности —

руководитель. Профессиональный руководитель всего, куда кинут.

Кадровый коммунист. Профессиональный начальник.

Не предприниматель — нет. Подчиненный, однако начальник. С лестью преданный всем, кто сильнее: кто тоже начальник и тоже с лестью, но преданный тем, кто еще крупней. Вот так и складывается порода профессиональных начальников всего, куда кинут: в металлургию, а потом в текстиль, в педагогику, в песни и пляски, а хлопок, нефть, военную мощь. Единообразных в анкетах. Единодушно избравших социализм.

К этому классу профессиональных распорядителей и принадлежит мой герой. Карабкался сюда долго, прошел весь склон: сперва пионервожатый, потом партвожак в вузе, парторг фабрики, директор завода, на год в колхозе, затем снова завод. А там — попался кому-то на глаза — райком: Такова возможность сюжета. Первая.

Но есть и вторая.

На сей раз герой мой — прилежный, послушно работающий, притершийся еще в доперестроечную эпоху, уже тогда достигший приметного кабинета. Ничем особым не примечательный. Не умный, но не чурбан. Из тех, кто долго, в поту, взбирается по ступенькам вверх, разрастаясь из года в год, становясь все мощнее, дорожнее, толстая в словах и приказах. И образует к шести десяткам особь социалистической устроенности —

руководитель. Профессиональный руководитель всего, куда кинут.

Кадровый коммунист. Профессиональный начальник.

Не предприниматель — нет. Подчиненный, однако начальник. С лестью преданный всем, кто сильнее: кто тоже начальник и тоже с лестью, но преданный тем, кто еще крупней. Вот так и складывается порода профессиональных начальников всего, куда кинут: в металлургию, а потом в текстиль, в педагогику, в песни и пляски, а хлопок, нефть, военную мощь. Единообразных в анкетах. Единодушно избравших социализм.

К этому классу профессиональных распорядителей и принадлежит мой герой. Карабкался сюда долго, прошел весь склон: сперва пионервожатый, потом партвожак в вузе, парторг фабрики, директор завода, на год в колхозе, затем снова завод. А там — попался кому-то на глаза — райком: Такова возможность сюжета. Первая.

Но есть и вторая.

На сей раз герой мой — прилежный, послушно работающий, притершийся еще в доперестроечную эпоху, уже тогда достигший приметного кабинета. Ничем особым не примечательный. Не умный, но не чурбан. Из тех, кто долго, в поту, взбирается по ступенькам вверх, разрастаясь из года в год, становясь все мощнее, дорожнее, толстая в словах и приказах. И образует к шести десяткам особь социалистической устроенности —

руководитель. Профессиональный руководитель всего, куда кинут.

Кадровый коммунист. Профессиональный начальник.

Не предприниматель — нет. Подчиненный, однако начальник. С лестью преданный всем, кто сильнее: кто тоже начальник и тоже с лестью, но преданный тем, кто еще крупней. Вот так и складывается порода профессиональных начальников всего, куда кинут: в металлургию, а потом в текстиль, в педагогику, в песни и пляски, а хлопок, нефть, военную мощь. Единообразных в анкетах. Единодушно избравших социализм.

К этому классу профессиональных распорядителей и принадлежит мой герой. Карабкался сюда долго, прошел весь склон: сперва пионервожатый, потом партвожак в вузе, парторг фабрики, директор завода, на год в колхозе, затем снова завод. А там — попался кому-то на глаза — райком: Такова возможность сюжета. Первая.

Но есть и вторая.

На сей раз герой мой — прилежный, послушно работающий, притершийся еще в доперестроечную эпоху, уже тогда достигший приметного кабинета. Ничем особым не примечательный. Не умный, но не чурбан. Из тех, кто долго, в поту, взбирается по ступенькам вверх, разрастаясь из года в год, становясь все мощнее, дорожнее, толстая в словах и приказах. И образует к шести десяткам особь социалистической устроенности —

руководитель. Профессиональный руководитель всего, куда кинут.

Кадровый коммунист. Профессиональный начальник.

Не предприниматель — нет. Подчиненный, однако начальник. С лестью преданный всем, кто сильнее: кто тоже начальник и тоже с лестью, но преданный тем, кто еще крупней. Вот так и складывается порода профессиональных начальников всего, куда кинут: в металлургию, а потом в текстиль, в педагогику, в песни и пляски, а хлопок, нефть, военную мощь. Единообразных в анкетах. Единодушно избравших социализм.

К этому классу профессиональных распорядителей и принадлежит мой герой. Карабкался сюда долго, прошел весь склон: сперва пионервожатый, потом партвожак в вузе, парторг фабрики, директор завода, на год в колхозе, затем снова завод. А там — попался кому-то на глаза — райком: Такова возможность сюжета. Первая.

Но есть и вторая.

На сей раз герой мой — прилежный, послушно работающий, притершийся еще в доперестроечную эпоху, уже тогда достигший приметного кабинета. Ничем особым не примечательный. Не умный, но не чурбан. Из тех, кто долго, в поту, взбирается по ступенькам вверх, разрастаясь из года в год, становясь все мощнее, дорожнее, толстая в словах и приказах. И образует к шести десяткам особь социалистической устроенности —

руководитель. Профессиональный руководитель всего, куда кинут.

Кадровый коммунист. Профессиональный начальник.

Не предприниматель — нет. Подчиненный, однако начальник. С лестью преданный всем, кто сильнее: кто тоже начальник и тоже с лестью, но преданный тем, кто еще крупней. Вот так и складывается порода профессиональных начальников всего, куда кинут: в металлургию, а потом в текстиль, в педагогику, в песни и пляски, а хлопок, нефть, военную мощь. Единообразных в анкетах. Единодушно избравших социализм.

К этому классу профессиональных распорядителей и принадлежит мой герой. Карабкался сюда долго, прошел весь склон: сперва пионервожатый, потом партвожак в вузе, парторг фабрики, директор завода, на год в колхозе, затем снова завод. А там — попался кому-то на глаза — райком: Такова возможность сюжета. Первая.

Но есть и вторая.

На сей раз герой мой — прилежный, послушно работающий, притершийся еще в доперестроечную эпоху, уже тогда достигший приметного кабинета. Ничем особым не примечательный. Не умный, но не чурбан. Из тех, кто долго, в поту, взбирается по ступенькам вверх, разрастаясь из года в год, становясь все мощнее, дорожнее, толстая в словах и приказах. И образует к шести десяткам особь социалистической устроенности —

руководитель. Профессиональный руководитель всего, куда кинут.

Кадровый коммунист. Профессиональный начальник.

Не предприниматель — нет. Подчиненный, однако начальник. С лестью преданный всем, кто сильнее: кто тоже начальник и тоже с лестью, но преданный тем, кто еще крупней. Вот так и складывается порода профессиональных начальников всего, куда кинут: в металлургию, а потом в текстиль, в педагогику, в песни и пляски, а хлопок, нефть, военную мощь. Единообразных в анкетах. Единодушно избравших социализм.

К этому классу профессиональных распорядителей и принадлежит мой герой. Карабкался сюда долго, прошел весь склон: сперва пионервожатый, потом партвожак в вузе, парторг фабрики, директор завода, на год в колхозе, затем снова завод. А там — попался кому-то на глаза — райком: Такова возможность сюжета. Первая.

Но есть и вторая.

На сей раз герой мой — прилежный, послушно работающий, притершийся еще в доперестроечную эпоху, уже тогда достигший приметного кабинета. Ничем особым не примечательный. Не умный, но не чурбан. Из тех, кто долго, в поту, взбирается по ступенькам вверх, разрастаясь из года в год, становясь все мощнее, дорожнее, толстая в словах и приказах. И образует к шести десяткам особь социалистической устроенности —

Культура - 1992 - 25 янв. - С. 2

Культура - 1992 - 25 янв. - С. 3